

УДК 94

DOI: 10.17223/18572685/33/14

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Л.В. ВОЙТОВИЧА
«КНЯЗЬ ЛЕВ ДАНИЛОВИЧ» (ЛЬВІВ: НАН
УКРАЇНИ. ІНСТИТУТ УКРАЇНОЗНАВСТВА
ІМ. І. КРИП'ЯКЕВИЧА, 2012. – 181 С.)**

М.И. Жих

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

e-mail: max-mors@mail.ru

**Review of the book: Voitovich L.V.
«Prince Lev Danilovich» (Lviv, 2012)**

M.I. Zhikh

Saint-Petersburg State University (Russia)

e-mail: max-mors@mail.ru

В силу ряда причин в исторической науке сложилась такая ситуация, что весьма яркая личность галицко-волынского князя Льва Даниловича (ок. 1225-1301 гг.) оказалась словно в тени его деда и отца – Романа Мстиславича и Даниила Романовича. Показательно, что многие исследования истории Галицко-Волынской земли и её международных связей вообще обрываются на княжении Даниила, оставляя как бы «за кадром» последующую историю Юго-Западной Руси¹, хотя она была не менее яркой и не менее важной для судеб как русских земель, так и Центрально-Восточной Европы.

Если же говорить конкретно о российской исторической науке, то её фокус после монгольского нашествия сосредоточивается преимущественно на истории Северо-Восточной Руси, где со временем сложилось Московское Великое княжество, трансформировавшееся впоследствии в Российское государство, и Новгорода. При этом как бы «забывается» о Западной и Юго-Западной Руси, которые в будущем вошли в состав Литвы и Польши. По этому поводу А.В. Жу-

равель, констатируя, что над историками тут довлеет перспектива будущего, совершенно справедливо заметил, что «на судьбу Руси после монгольского нашествия желательно смотреть в целом, не разделяя страну заранее на части»².

Монгольское нашествие способствовало ослаблению связей между разными частями Руси. Но, тем не менее, до начала широкого наступления Литвы и Польши на русские земли это по-прежнему, как и в XII-XIII вв., была единая страна (насколько можно говорить о «единстве» в условиях средневековой политической раздробленности), осознававшая себя таковой³.

Учитывая сказанное, появление книги известного украинского медиевиста Л.В. Войтовича, представляющей собой первое монографическое исследование, специально посвящённое Льву Даниловичу и истории Галицко-Волынской земли второй половины XIII в., является важным событием в историографии Древней Руси. Работа подводит некоторые итоги многолетних исследований историка⁴.

Как достоинство книги хотелось бы сразу отметить, что автор не просто даёт биографию князя, но и разворачивает перед читателем широкую панораму истории Юго-Западной Руси XIII в. и её соседей, с которыми судьбы Галичины и Волыни были теснейшим образом связаны (Венгрия, Польша, Золотая Орда и т. д.). Деятельность героя книги показана автором на широком историческом фоне эпохи. К этому можно добавить и хороший авторский стиль: книга не перегружена лишними деталями, имеет чёткую и понятную структуру повествования, а потому читается легко, что для научной работы, на мой взгляд, является безусловным достоинством.

Некоторые частные моменты авторского описания упомянутого общеисторического фона, однако, вызывают вопросы. Так, например, Войтович, как можно заключить из контекста, понимает под «смердами» свободных крестьян, из которых формировалось ополчение в случае войны (с. 43-44). Такая трактовка, идущая от Б.Д. Грекова, понимавшего под «смердами» всех древнерусских крестьян, как свободных, так и зависимых, является очень спорной: свободные жители Древней Руси, как горожане, так и крестьяне, обычно называются в источниках «людьми», а не «смердами». Не вдаваясь в дискуссию о социальном статусе древнерусских смердов, нахожу вполне очевидным, что так именовалась какая-то специфическая группа сельского населения, находившаяся в зависимости от князя, но никак не всё крестьянство⁵.

Утверждение и широкое распространение термина «Великая Русь» Л.В. Войтович рассматривает как следствие развития «великодержавного» сознания Московской Руси, использовавшей его для

обоснования своих претензий на все бывшие земли Руси Киевской (с. 54). Но это не соответствует семантике данного понятия, которую вполне убедительно раскрыл О.Н. Трубачев. Понятие «Великая Русь» представляло собой вовсе не обоснование неких «лидерских» претензий, а наоборот, обозначало зону, так сказать, «вторичную» по отношению к «Малой Руси» – Руси Южной. Аналогично именно территории, колонизированные греками или британцами, получили названия «Великой Греции» и «Великобритании»⁶.

Эти *частные* спорные моменты, впрочем, никак не умаляют достоинств рассматриваемой книги, в числе которых хотелось бы отметить и искреннюю симпатию автора к своему герою. Историк пытается преодолеть определённый негативный стереотип, сложившийся в историографии вокруг Льва Даниловича, которого многие исследователи представляют не слишком значительным политиком и едва ли не рядовым участником княжеских «катор».

Открывается книга кратким обзором источников. Войтович обращает внимание на противоречивые оценки личности Льва Даниловича в Галицко-Волынской летописи: поначалу она рисует его верным помощником своего отца, храбрым полководцем, но затем тональность её меняется и Лев превращается на её страницах в «безчестного князя», что и задавало направленность отношения к нему в современной историографии. По мнению учёного, такая «смена вех» была вызвана тем, что писалась и редактировалась ГВЛ при дворе волынских князей, отношения которых с Львом Даниловичем были весьма неоднозначными. Должный учёт последнего факта вкупе с привлечением ряда иностранных источников (например, жития венгерской принцессы и жены краковского князя Болеслава V Стыдливого Кунигунды – сестры жены Льва Даниловича Констанции) позволяет увидеть личность Льва Даниловича в совершенно ином свете: как мудрого целеустремлённого политика, сделавшего многое для процветания своей земли, повышения её статуса как среди других земель Руси, так и государств Центрально-Восточной Европы.

Лев Данилович был вторым сыном от брака Даниила Романовича и Анны Мстиславны, дочери князя Мстислава Удалого, и родился вскоре после 1225 г., вероятно, во Владимире-Волынском (с. 10). Крестным именем Льва было Онуфрий (с. 11). Поскольку его старший брат Ираклий умер молодым, именно Лев с малых лет стал первым помощником отца в его многотрудной политической деятельности, основным содержанием которой вплоть до 1245 г. была борьба за овладение галицким столом, по праву принадлежавшим наследникам Романа Мстиславича.

Около 1240 г. Лев Данилович стал князем Перемышльским, начав собственную политическую карьеру (с. 12). Л.В. Войтович даёт краткий, но весьма информативный историко-географический очерк Перемышльщины (с. 14-18), отмечая её расположение на важном торговом пути из Киева в Европу, а также богатство солью, бывшей важным экспортным товаром. На территории Перемышльщины располагался крупный металлургический комплекс (с. 25). Всё это создавало благоприятные предпосылки для развития экономики региона.

Очень важными и заслуживающими серьёзного внимания мне представляются наблюдения Л.В. Войтовича о путях сложения княжеского домена в Перемышльской земле, которые, вероятно, можно экстраполировать в той или иной мере и на другие древнерусские земли. Историк показал, что формировался он преимущественно за счёт поселения на пустующих землях колонистов, согласившихся на определённых условиях стать княжескими крестьянами, и пленных из других регионов Руси и соседних стран. Об этом свидетельствует, в частности, топонимика – названия ряда сёл Перемышльщины образованы от этнонимов или названий земель (Дулебы, Лучане, Дреговичи, Киевец и т.д.) или этимологизируются из других языков (с. 20-25). Древнерусские князья достаточно широко практиковали департационные практики, что недооценивается в историографии. На мой взгляд, есть основания полагать, что первая в древнерусской истории депортация была проведена уже княгиней Ольгой, переселившей часть непокорных древлян в Новгородскую землю, где в результате этого переселения сформировалась собственная Деревская земля⁷.

Таким образом, княжеский домен формировался преимущественно не за счёт «окняжения» земель свободного крестьянства, что и неудивительно – в это время древнерусская сельская община ещё сохраняла силу и единство⁸. К сожалению, Л.В. Войтович не применил свои наблюдения относительно формирования княжеского домена к проблеме формирования боярского землевладения: последнее, по мнению учёного, формировалось на основе княжеских пожалований (с. 18, 41). Но возникает вопрос: если даже для себя князь не мог «закрепостить» крестьян, а вынужден был осваивать пустоши, то как он мог пожаловать землю с крестьянами боярину? На мой взгляд, противопоставлять пути становления княжеского и боярского землевладения нет оснований. И то и другое формировалось на первом этапе преимущественно за счёт освоения пустошей и лишь затем начало наступление на крестьянскую общину.

Доля частного землевладения в домонгольской Руси была ещё относительно невелика. По меткой характеристике И.Я. Фроянова,

княжеские и боярские земли «напоминали островки, затерявшиеся среди свободного крестьянского хозяйства, господствовавшего в экономике той поры»⁹. В Северо-Восточной Руси, как показал Ю.Г. Алексеев, частное землевладение восторжествовало над крестьянской общиной только в XV-XVI вв.¹⁰ Даже с учётом того, что в Галицко-Волынской земле формирование феодального землевладения шло опережающими темпами по сравнению с северо-востоком Руси, едва ли можно говорить о его господстве в XIII в., что следует в том числе и из важной роли народного ополчения, состоявшего из всех свободных жителей Галичины и Волыни. Число этих свободных людей было ещё огромно, что позволяло собрать войско, составлявшее, по подсчётам Л.В. Войтовича, около 30 тысяч человек (с. 45). Сам учёный справедливо обращает внимание на то, что летопись отмечает важную роль ополченцев (с. 47-48).

Галицкая и Волынская земли пострадали от нашествия Батыя в несколько меньшей степени, чем Киевщина и Северо-Восточная Русь (с. 115), сохранили значительную часть своего потенциала, что, как казалось Даниилу, создавало благоприятные предпосылки для дальнейшей борьбы с ордынцами. Но для этого нужны были союзники. Уже в 1240 г. Даниил Галицкий попытался заключить антимонгольский союз с венгерским королём Белой IV, но безуспешно – Бела хотел посадить на галицкий стол своего ставленника, князя Ростислава Михайловича.

Решающее сражение состоялось в 1245 г. под Ярославом, в котором Лев Данилович командовал полком левой руки. Войска Ростислава и его союзников были разгромлены, Галичина окончательно закрепилась за Романовичами, что вынужден был признать и Бела IV. Последнее создало, наконец, почву для заключения союза между Венгрией и Галицко-Волынской Русью, который был скреплён браком Льва Даниловича и дочери Белы – Констанции, заключённым, скорее всего, в 1247 г. (с. 35). Их союз оказался счастливым, Констанция оставалась верной подругой и соратницей Льва Даниловича на протяжении почти всей его жизни (она умерла чуть раньше его – ок. 1287/1288 гг.). У них родились сын Юрий, ставший после смерти отца галицко-волынским князем (1301-1308), и четыре дочери (Святослава, Алёна, Анастасия и Мария), которые вышли замуж за князей соседних западных земель (с. 165-167). Укрепил этот брак и политическое положение Льва: мужа сестёр Констанции, польские князья, были в дальнейшем его верными союзниками.

Примерно в то же время (может быть, как раз в связи со своей женитьбой?) Лев получил от отца помимо Перемышля ещё и Белз. И вскоре на границе Белзской и Перемышльской земель он основал свою новую столицу – Львов, получившую, как и многие другие

древнерусские города, имя в честь князя-основателя. Л.В. Войтович вполне убедительно обосновывает положение, согласно которому таковым не мог быть Даниил Романович, а также то, что Львов был построен именно в 1240-1250-е гг., а не позже, как это иногда утверждается в историографии (с. 37-41). Но социально-политические причины основания новой столицы, на мой взгляд, исследователем раскрыты не в полной мере, так как он отмечает лишь важное стратегическое положение нового города (с. 37-38, 140).

Безусловно, выбирая место для новой столицы, князь подбирал удачно расположенный район, но *каковы были мотивы самого решения о переносе столицы?* Здесь надо вспомнить, что «перенос столицы» в Древней Руси был отнюдь не редкостью: так, Андрей Боголюбский перенёс столицу в незначительный до этого город Владимир, а отец Льва, князь Даниил Романович, перенёс её в основанный им Холм. Таким образом, сын в точности повторил действие своего отца.

Причины подобной любви князей к «переезду» на новое место состоят, на мой взгляд, в стремлении к укреплению своей власти. В «старых» городах были сильные городские общины с развитыми вечевыми традициями, сильное боярство. Из-под их «опеки» князья и стремились освободиться. В небольших, а тем более во вновь основанных городах не было ни сильных вечевых общин, ни сильного боярства, следовательно, там князья чувствовали себя гораздо свободнее и, более того, могли использовать эти «новые» города как свои опорные базы для борьбы с вечевыми общинами «старых» городов и, соответственно, укрепления своей власти над всей страной.

В этой связи нельзя не заметить, что в книге Л.В. Войтовича, к сожалению, осталась нерассмотренной проблема взаимоотношений Льва Даниловича с вечем Галича и других городов Юго-Западной Руси. Между тем вечевые традиции в домонгольской Руси имели огромную силу и значение¹¹, в т.ч. и в Юго-Западной Руси¹², борьба княжеской и вечевой властей составляла одну из важнейших страниц её социально-политической жизни¹³. Также, на мой взгляд, учёному следовало больше внимания уделить такому важному и интересному вопросу, как грамоты Льва Даниловича (с. 168)¹⁴.

Монгольское нашествие и угроза со стороны Венгрии и Польши побудили Даниила Романовича к проведению важных военных реформ, верным помощником в осуществлении которых стал его сын Лев (с. 41). Были внедрены новые типы брони, лучше защищавшей воина (причём теперь ею стали покрывать и боевых коней), созданы подразделения арбалетчиков, линейная пехота, способная проти-

востоять конным войскам монголов. Пехотинцы-ополченцы получали доспехи за счёт княжеской казны, а сами доспехи делались по монгольскому образцу и поэтому были относительно недорогими. Особое внимание было уделено развитию метательной артиллерии. Чтобы профинансировать все эти нововведения, Даниил приступил к интенсивному развитию соледобычи. Доходы от продажи соли позволяли пополнять казну (с. 41-50).

Укрепив свои военные силы и заручившись союзом с Венгрией и Польшей, Даниил Романович решил начать борьбу с Ордой. Князь коронуется королевской короной, что подчёркивает его высший статус суверена и независимого правителя, а также, возможно, претензии на власть над другими русскими землями (с. 51). Это было открытым вызовом монголам (с. 50).

С момента коронации Даниила Войтович в своей книге последовательно называет Галицко-Волынскую Русь «королевством Русь». На мой взгляд, так ее можно именовать с некоторой долей условности, чтобы подчеркнуть единство этого большого региона, ведь и Даниил впоследствии фактически отказался от королевского титула, и Лев официально не принимал его. Да и другие русские земли не признавали власть галицких правителей. Европейские государства имели дело в первую очередь с правителями Галицко-Волынской земли, другие же русские князья были фактически вне поля их зрения, что также следует учитывать, оценивая случаи именования галицких князей «королями» в европейских источниках. Да и словоупотребление в последних вовсе не отличалось чёткостью: сам Л.В. Войтович упоминает о Пражском договоре 1271 г., в котором Лев Данилович назван князем (duc), а не королём (с. 104).

Постепенно Лев Данилович мужал и превращался в талантливого политика и полководца, имевшего чёткое стратегическое видение задач, стоявших перед ним и его землёй. Дабы укрепить тылы на севере, он зимой 1253/1254 г. возглавил поход на ятвягов, затем привел к повиновению непокорных бояр, побывал с посольством в Венгрии, совершил поход в Болоховскую землю (с. 62-66).

И всё-таки, как показали последующие события, к войне с монголами Галицко-Волынское княжество оказалось не готово. Ордынский полководец Бурундай, сочетая умелую дипломатию и талант полководца, вывел из игры союзников Даниила Романовича, а его самого в 1259 г. вынудил бежать в Польшу, а затем в Венгрию. По требованию Бурундая укрепления важнейших городов были скрыты, и Галицко-Волынская земля стала беззащитна. В период отсутствия отца, до 1262 г., Лев Данилович фактически управлял его княжеством. Ему удалось заключить мир и наладить хорошие отношения с

монголами, в дальнейшем он долгие годы поддерживал прочный союз с ордынским полководцем Ногаем, улус которого располагался в Северном Причерноморье (с. 82-83).

Вернувшись, Даниил Романович был полон решимости возобновить борьбу с монголами, однако его сын Лев, лучше зная и более трезво оценивая обстановку, не разделял этих планов, считая победу над монголами невозможной, и начал прочно ориентироваться на союз с ними. Это привело к охлаждению отношений между отцом и сыном и к появлению негативных характеристик Льва в Галицко-Волынской летописи (с. 85-86), которые в дальнейшем усугубились в период его противостояния с братом Шварном и дядей Васильком.

Как видим, Лев Данилович стал проводить в Юго-Западной Руси примерно ту же политику, что и Александр Невский в Руси Северо-Восточной, - нацеленную на мир с монголами и постепенное возрождение Руси. Ныне со стороны ряда историков раздаётся резкая критика в адрес тех русских князей, которые были ориентированы не на борьбу, а на мирные отношения с монголами¹⁵. Войтович занимает более взвешенную позицию и, на мой взгляд, делает это совершенно справедливо: опыт показал, что сил для борьбы с Ордой русские земли в тот момент ещё не имели, пытавшиеся сопротивляться монголам Андрей Ярославич на северо-востоке Руси и Даниил Романович на её юго-востоке потерпели тяжёлые поражения. Продолжение борьбы могло только ещё больше обескровить Русь. В то же время признание власти монголов давало ей возможность постепенно восстановить свой потенциал, в т. ч. и для последующей борьбы со степными завоевателями.

Союз с улусом Ногаем позволил Льву Даниловичу укрепить своё княжество, войска Ногаем не раз оказывали ему помощь. Стабилизация ситуации в Причерноморье привела к росту торговли Галицко-Волынской земли с Византией и странами Востока (с. 106).

После смерти в 1264 г. (с. 88) Даниила Романовича Лев становится князем Галицким, после смерти в 1269 г. его дяди Василька Романовича и брата Шварна Даниловича – главным в клане Романовичей и верховным сюзереном Галицко-Волынской земли, а после смерти другого брата, Мстислава (после 1292 г.), и двоюродного брата Владимира (1289) – её единоличным правителем. Лев расширил границы своей державы на западе, присоединив ряд земель в Закарпатье (с. 138-142), и активно участвовал в политической жизни Центрально-Восточной Европы, вмешиваясь в борьбу за австрийские земли, польский трон и т.д. (с. 131-138, 142-144, 150-157). Хотя нельзя сказать, что эти его действия были особенно успешны,

они показывали, что Галицко-Волынская Русь является важным политическим игроком на востоке Европы, без ее участия не мог решиться ни один значимый вопрос в регионе. При этом важно отметить, что Л.В. Войтович за счёт привлечения малоизвестных в нашей историографии европейских источников существенно уточнил и дополнил представления о роли Льва Даниловича в восточноевропейской политике того времени. Именно соответствующие разделы книги характеризуются наибольшей насыщенностью вводимых в научный оборот новых фактов и уточнением уже известных.

При поддержке Ногай князю в конце XIII в. удалось также установить контроль над Киевом, восстановив державу Романа Мстиславича (с. 158-159). Правда, в итоге этот многолетний союз обернулся для Льва катастрофой: хан Тохта решил покончить с существованием фактически независимой орды Ногай и в 1300 г. разгромил его армию. Чтобы избежать разорения своей земли, Лев решил удалиться в монастырь, передав власть сыну Юрию. Такое объяснение внезапного добровольного отрешения князя, находившегося у власти много лет, от этой самой власти, обоснованное Войтовичем (с. 162 и сл.), кажется мне вполне убедительным. И в этом эпизоде Лев Данилович предстает глубоким патриотом своей земли и защитником своего народа. В монастыре князь и умер (ок. 1300-1301 гг.).

Сыну Юрию Лев оставил большую единую и сильную процветающую страну, игравшую видную роль в жизни Руси и Центральной Европы. Показателем верности стратегического курса, избранного Львом Даниловичем, является то, что его сын смог восстановить свой королевский титул и добиться создания отдельной Галицкой митрополии. Это были зримые проявления резкого усиления Галицко-Волынской Руси, для которого всю свою жизнь трудился Лев Данилович. Поэтому отход Л.В. Войтовича от традиционных стереотипов восприятия этого князя, его, так сказать, историческая реабилитация, видится мне совершенно справедливой.

Разумеется, идеальным человеком Лев не был. Сын своего сложного и жестокого века, в борьбе за власть он действовал так, как и все его современники, например, пытался помешать своему младшему брату Шварну занять литовский престол, так как это могло дать тому силы для борьбы за контроль над всей Галицко-Волынской землёй. Но в то время подобное в отношениях между князьями было обыденностью. Прямых военных действий с другими Романовичами Лев не вёл, никаких поступков, за которые его можно было бы однозначно осудить с моральной точки зрения, не совершал. Войтович вполне убедительно показал, что убийство им литовского князя-монаха Войшелка в 1267 г. было не следствием заговора, а

неудачным стечением обстоятельств – эта смерть ничего не давала Льву в политическом плане (с. 95-102).

В небольшой рецензии нет возможности подобно рассмотреть все аспекты книги Л.В. Войтовича, все выдвинутые им идеи, равно как и детально проследить жизненный и политический путь Льва Даниловича. Всем, кого заинтересовала эта интереснейшая личность и бурные перипетии истории Юго-Западной Руси второй половины XIII в., я советую прочесть замечательную книгу украинского историка.

ЛИТЕРАТУРА

1. См., например: *Котляр М.Ф.* Галицько-Волинська Русь. К., 1998; *Майоров А.В.* Галицко-Волинская Русь: очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001; *Его же.* Русь, Византия и Западная Европа: из истории внешнеполитических и культурных связей XII-XIII вв. СПб., 2011.

2. *Журавель А.В.* «Аки молния в день дождя». Кн. 1. Куликовская битва и её след в истории. М., 2010. С. 221.

3. *Седов В.В.* Древнерусская народность. М., 1999. С. 222.

4. *Войтович Л.В.* Де була столиця Лева Даниловича? (Джерелознавчий аспект проблеми) // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Т. 1. Київ–Львів, 2004. С.712–720; *Его же.* Військове мистецтво Галицько-Волинської держави: князь Лев Данилович // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». № 502. Держава та армія. 2004. С. 13–18; *Его же.* Штрихи до портрету князя Лева Даниловича // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Вип. 5. Київ, 2005. С.143–156; *Его же.* Реформи армії князями Данилом Романовичем та Левом Даниловичем у середині XIII ст. // Вісник національного університету «Львівська політехніка». № 571. Держава та армія. Львів, 2006. С. 89–93; *Его же.* Князь Лев Данилович – полководець і політик // Confraternitas. Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаєвича / Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 15. Львів, 2006-2007. С. 115–124; *Его же.* Улус Ногая і Галицько-Волинське князівство // Україна – Монголія: 800 років у контексті історії. Київ, 2008. С.71–78; *Его же.* Галицько-Волинські етюди. Біла Церква, 2011. С. 289–318, 326–341.

5. *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 171.

6. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002. С. 301-302.

7. *Жих М.И.* Реформа княгини Ольги как попытка централизации Руси // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 17-18 ноября 2011 г. / сост. В.Ф. Андреев. Великий Новгород, 2013. С. 35.

8. Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. С. 146-194.
9. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 294.
10. Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV-XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966.
11. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. СПб., 2001. С. 624-657.
12. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь.
13. Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 531-575.
14. Пашин С.С. Червонорусские акты XIV-XV вв. и грамоты князя Льва Даниловича. Тюмень, 1996.
15. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV века). М., 2001. С. 207-228; Журавель А.В. «Аки молния в день дождя». С. 219-234.

References

1. Kotlyar M.F. Galits'ko-Volins'ka Rus'. K., 1998; Maiorov A.V. Galitsko-Volynskaya Rus': Ocherki sotsial'no-politicheskikh otnosheniy v domongol'skiy period. Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina. SPb., 2001; Ego je. Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa: Iz istorii vneshnepoliticheskikh i kul'turnykh svyazey XII-XIII vv. SPb., 2011.
2. Zhuravel' A.V. «Aki molnia v den' dozhdy». Kniga 1. Kulikovskaya bitva i ee sled v istorii. M., 2010. S. 221.
3. Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'. M., 1999. S. 222.
4. Voytovich L.V. De bula stolitsya Leva Danilovicha? (Dzhereloznavchiiy aspekt problemi) // Do dzherel. Zbirnik naukovikh prats' na poshanu Olega Kupchins'kogo z nagodi yogo 70-richchya. T. 1. Kiiv-L'viv, 2004. S.712-720; Ego je. Viys'kove mistetstvo Galits'ko-Volins'koï derzhavi: knyaz' Lev Danilovich // Visnik Natsional'nogo universitetu «L'vivs'ka politekhnika». № 502. Derzhava ta armiya. 2004. S. 13-18; Ego je. Shtrikhi do portretu knyazya Leva Danilovicha // Ukraïna v Tsentral'no-Skhidniy Evropi (z naydavnishikh chasiv do kh. VIII st.). Vip. 5. Kiiv, 2005. S.143-156; Ego je. Reformi armii knyazyami Danilom Romanovichem ta Levom Danilovichem u seredini XIII st. // Visnik natsional'nogo universitetu «L'vivs'ka politekhnika». № 571. Derzhava ta armiya. L'viv, 2006. S. 89-93; Ego je. Knyaz' Lev Danilovich – polkovodets' i politik // Confraternitas. Yuvileyniy zbirnik na poshanu Yaroslava Isaevicha / Ukraïna: kul'turna spadshchina, natsional'na svidomist', derzhavnist'. Vip. 15. L'viv, 2006-2007. S. 115-124; Ego je. Ulus Nogaya i Galits'koVolins'ke knyazivstvo // Ukraïna – Mongoliya: 800 rokiv u konteksti istorii. Kiiv, 2008. S.71-78; Ego je. Galits'ko-Volins'ki etyudi. Bila Tserkva, 2011. S. 289-318, 326-341.
5. Danilova L.V. Sel'skaya obshchina v srednevekovoï Rusi. M., 1994. S. 171.

6. *Trubachev O.N.* Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya. M., 2002. S. 301-302.

7. *Zhikh M.I.* Reforma knyagini Ol'gi kak popytka tsentralizatsii Rusi // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoy zemli: materialy nauchnoy konferentsii 17-18 noyabrya 2011 g. / sost. V.F. Andreev. Velikiy Novgorod, 2013. S. 35.

8. *Danilova L.V.* Sel'skaya obshchina v srednevekovoy Rusi. S. 146-194.

9. *Froyanov I.Ya.* Kievskaya Rus': Glavnye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroya. SPb., 1999. S. 294.

10. *Alekseev Yu.G.* Agrarnaya i sotsial'naya istoriya Severo-Vostochnoy Rusi XV-XVI vv. Pereyaslavskiy uезд. M.; L., 1966.

11. *Froyanov I.Ya.* Kievskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoy istorii // Froyanov I.Ya. Nachala russkoy istorii. Izbrannoe. SPb., 2001. S. 624-657.

12. *Maiorov A.V.* Galitsko-Volynskaya Rus'.

13. *Froyanov I.Ya.* Drevnyaya Rus'. Opyt issledovaniya istorii sotsial'noy i politicheskoy bor'by. M.; SPb., 1995. S. 531-575.

14. *Pashin S.S.* Chervonorusskie akty XIV-XV vv. i gramoty knyazya L'va Danilovicha. Tyumen', 1996.

15. *Danilevskiy I.N.* Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII-XIV veka). M., 2001. S. 207-228; Zhuravel' A.V. «Aki molnia v den' dozhdy». S. 219-234.

Жих Максим Иванович - аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

e-mail: max-mors@mail.ru

Zhikh Maksim - Graduate Student of the Historical Faculty of the St. Petersburg State University

e-mail: max-mors@mail.ru

